

В.В. СОГРИН

Теоретические подходы к российской истории конца XX века

Современный этап российской истории, начавшийся в середине 1980-х годов, приравнивается многими к коренной общественно-политической трансформации. Его перипетии находятся в центре внимания отечественного обществоведения. Активно разрабатывается теоретический инструментарий анализа и интерпретации современной российской трансформации. В выработке этого инструментария главная роль принадлежит общественным наукам.

В отечественном обществознании в последние годы произошли серьезные перемены. Прежде всего они выразились в освоении тех подходов и теорий, которые характерны для зарубежных, особенно западных, общественных наук. Структурно-функциональный и стратификационный анализ, теории элит, гражданского общества, тоталитаризма и плюрализма, как и многие другие подходы, которые раньше подвергались жесткой критике, сегодня взяты на вооружение и активно используются отечественными обществоведами при рассмотрении российских реалий. Традиционные подходы оказались потесненными, хотя и не утратили своего влияния.

При всем многообразии методологических и теоретических подходов современного российского обществознания для анализа причинно-следственных связей и характера новейшей российской трансформации особое значение имеют макротеории. В настоящей статье предпринята попытка осмыслить познавательные возможности трех макротеорий, удельный вес и влияние которых в отечественном обществоведении являются наибольшими. Это теория общественно-экономических формаций, модернизации и цивилизаций.

Подчеркну: мое отношение к ним ни в коем случае не определяется стремлением к теоретическому монизму, т.е. нахождению универсальной познавательной модели, которая обладает возможностью научного познания российского исторического опыта. Допуская возможность обвинений в эклектике, я тем не менее исхожу из того, что современный исторический опыт России может быть осмыслен на основе сочетания разных макро- и микротеорий (исторических, социологических, политологических, экономических), которые дополняют, а не исключают друг друга. Важно найти такую совокупность и такое сочетание теоретических подходов, которые обеспечат наиболее адекватное понимание современного российского опыта. А это требует раскрытия познавательных возможностей каждого из подходов.

Среди трех названных макротеорий исторического процесса к традиционным, совершенно очевидно, относится теория общественно-экономических формаций. Она же вызвала наибольший скепсис и наибольшее количество критических замечаний в современном российском обществознании. Тем не менее было бы опрометчиво сбрасывать эту теорию с научных счетов, отказывая ей в праве объяснять происшедшие в России перемены. Дело в том, что в этой теории в случае нетрадиционного ее рассмотрения заключена рациональная возможность объяснения того, что с точки зрения ее ортодоксальных сторонников вообще не могло иметь места. А именно,

С о г р и н Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор.

почему в России потерпела крушение "передовая" общественная формация, а на ее место заступил "изжитый" общественный строй.

Теория общественно-экономических формаций, как она интерпретировалась в СССР, исходила из наличия универсальной схемы развития всех стран и народов, которая означала последовательную смену друг другом пяти формаций - первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической. При этом каждая последующая формация объявлялась более передовой, чем предшествующая, а коммунизм являлся высшей и последней среди них. Эта схема допускала, что те или иные народы могли миновать или не знать ту или иную общественную формацию, но все они так или иначе двигались по заданному пути, выходя в конечном итоге на коммунистическую дорогу как на свою финишную прямую. При этом особенно жестко интерпретировались взаимоотношения между двумя последними формациями - капиталистической и социалистической. Уступок и компромиссов здесь не допускалось: капитализм был обречен на загнивание и крах, а социализм на прогрессивное развитие "вширь и вглубь". В соответствии со схемой история капитализма XX века, в том числе и прежде всего самого развитого региона - западного, подавалась как история "общего кризиса капитализма", состоящего из трех этапов (до Второй мировой войны, от Второй мировой войны до 1960-х годов и от 60-х годов до наших дней). "Общий кризис капитализма" трактовался как перманентный, тотальный (охватывающий все сферы - от экономической до духовной), углублявшийся на каждом из последующих этапов. Что касается социализма, представленного в первую очередь СССР, то его развитие, согласно ортодоксальной формационной схеме, осуществлялось по восходящей линии, что должны были подтвердить концепции "полной", "полной и окончательной" победы социализма в СССР, "развитого социализма" и другие.

События, происшедшие в СССР и России после 1985 года, нанесли по этой ортодоксии сокрушительный удар. Многие из тех, кто придерживался формационного подхода, отказались от ортодоксии и обратились к поиску иных теоретических подходов к историческому процессу. Те же, кто остались верными ортодоксии, оценили происшедшие исторические перемены как "противоестественные" и прибегли при их объяснении к схемам, призванным доказать "искусственный" характер краха СССР и социализма. Главной для них оказалась теория "заговора", усматривающая причину драматического катаклизма в происках мирового империализма, в первую очередь США, и "агентов влияния" в самом СССР. Эта теория, которой придерживаются представители коммунистического и националистического лагеря, с научной точки зрения должна быть зачислена в разряд псевдотеорий из-за неспособности признать реальные и глубинные естественноисторические причины радикальной российской трансформации.

Но могут ли быть также однозначно охарактеризованы формационный подход и теория общественно-экономических формаций? В последние годы они были подвергнуты всесторонней, серьезной и обоснованной критике. Оппоненты указывали, что формационная теория, сформулированная ее создателями на основе исторического опыта части западноевропейского региона, была механически экстраполирована на другие регионы. В ряде случаев формационная модель оказывалась в явном противоречии с тем или иным региональным или страновым развитием, игнорировала их цивилизационные характеристики. Образно говоря, формационная теория была в действительности не универсальным историческим законом, а, используя веберовский термин, "идеальным типом", который мог быть полезным теоретическим инструментарием только в применении к определенной исторической среде. Самым же главным недостатком формационной теории было то, что она венчалась жесткой генерализирующей концепцией счастливого финала человеческой истории, достижение которого обосновывалось соответствующим социально-политическим учением о путях преобразования общества. Концепция коммунистической формации признавалась критиками, безусловно, наиболее слабой частью Марковского

учения. Коммунистические эксперименты в СССР трактовались как ярчайшее практическое тому подтверждение.

Современная критика не оставляет, кажется, формационной теории никаких шансов на познавательную роль в объяснении современной российской трансформации. Крах реального социализма лишь подтверждает ошибочность этой теории. И такой вывод можно было бы признать справедливым, если бы наряду с формационной версией советского образца не существовало других версий, в первую очередь западной марксистской и в более широком смысле социалистической.

Здесь нет возможности подробно рассматривать западный социалистический вариант формационной теории. Остановлюсь на истолковании путей смены капитализма социализмом: согласно ему, печальная судьба советского социализма и современный российский исторический опыт выглядят не как некая трагическая случайность, а как закономерность истории. По мнению многих представителей западной социалистической мысли, признающих Марксово учение, тот способ смены капиталистической формации социалистической, который реализовался в России в начале XX века, не только не соответствует, но, напротив, находится в вопиющем противоречии с учением Маркса.

Ярким образцом подобной интерпретации могут служить труды недавно скончавшегося М. Харрингтона - влиятельного западного социалистического теоретика второй половины XX века. Маркс, указывал он, мыслил переход от капиталистической формации к социалистической как естественноисторический: последний должен был произойти при вызревании всех материальных и духовных предпосылок. Но первая же социалистическая революция - Октябрьская 1917 года в России - грубо нарушила этот основополагающий постулат марксизма. Итог был печален: "социализация бедности могла утвердить только новую форму бедности" [1]. И в дальнейшем, согласно Харрингтону, "антисоциалистический социалистический эксперимент" в России развивался вопреки учению Маркса. Вместо преодоления отчуждения трудящихся от средств собственности, политической власти, духовных ценностей восторжествовавший в России режим насаждал новые формы отчуждения. Нужно заметить, что Харрингтон не отрицал объективных причин как русской, так и других революций в слабо- и среднеразвитых странах, выступавших под знаменем социализма, но утверждал, что с марксистской теорией социализма, а следовательно, и с социализмом в научном понимании связи они не имеют. Отсюда и его определение созданных в этих странах общественных систем как "антисоциалистического социализма" [1, с. 5, 6, 8,9,29, 36, 37,42].

Нетрудно обнаружить, что оценки Харрингтона перекликаются с оценками Г. Плеханова и его единомышленников в России начала XX века, критиковавших готовность Ленина и большевиков свершить социалистическую революцию в России как историческую авантюру. Из этих оценок можно извлечь недвусмысленный вывод: современные российские перемены являются наказанием за попытки перепрыгнуть исторические этапы смены капитализма социализмом и принуждают Россию пройти те этапы созревания до социализма, которые большевики попытались миновать.

Не сомневаюсь, что и подобный подход вряд ли рассеет сомнения относительно возможности формационной интерпретации современных российских перемен. И этот подход не снимает многих вопросов. Один из главных может быть сформулирован так: а знает ли история хоть один пример перехода капитализма в случае его "естественного созревания" в социализм? Подразумевается, что подобный пример стоит поискать, но без всяких шансов на успех, в современных западных странах, которые вроде бы созрели и перезрели для перехода к социализму, но все же совершать его явно не желают.

Развитие западных стран в XX веке действительно не соответствует Марксову предначертанию. По крайней мере в его работах трудно найти прогноз того исторического пути, который проделали страны Запада. Но вместе с тем история западного капитализма XX века не знала отторжения социализма. Более того,

капитализм в XX столетии развивался на основе все большей его социализации, а в глазах многих поборников "чистого капитализма" (впрочем, как и их антиподов, социал-реформистов) это вообще уже не капитализм, а некая разновидность социализма. Так что в случае с западным капитализмом возможность формационного анализа исторических перемен нашего века отнюдь не исчерпана.

Сам я не считаю, что современное западное общество является социалистическим (такая точка зрения была распространена в России на рубеже 80-90-х годов среди идеологов демократического движения, ставших потом ярыми антисоциалистами). Но не могу согласиться и с концепцией, высказанной несколько лет назад в журнале "Коммунист", в соответствии с которой не эпоха свободной конкуренции, т.е. капитализм XIX века, а монополистический капитализм XX века следует рассматривать как адекватную форму капиталистического способа производства [2]. На мой взгляд, адекватной формой капиталистического способа производства был как раз "свободный" капитализм XIX века, в нашем столетии он утратил свои классические черты и развивался - под воздействием разных факторов, в том числе классовой борьбы в самих западных странах и соперничества с реальным социализмом - на основе социализации заключенных в нем способов производства и распределения. Этот процесс прошел три этапа, причем наибольших успехов он добился на третьем, современном этапе [3]. Именно на третьем этапе в странах Запада прочно укоренились системы социального страхования и вспомоществования, гарантирующие защищенность широким слоям населения в случае безработицы, старости, бедности, болезни и т.д. Широкое развитие получили системы бесплатной или льготной медицинской помощи малоимущим и престарелым, строительства для них жилья.

Социализация западного капитализма обеспечила широким слоям населения больше социальных прав и льгот, чем смог дать реальный социализм в СССР своим гражданам. На основе первоисточников нетрудно доказать, что именно этот фактор способствовал формированию у россиян желания "жить, как на Западе", т.е. в системе зрелого капитализма, а не социализма. Попытка реализации капиталистической модели в России в "гайдаровский" и последующий периоды привели к результатам, противоположным таким ожиданиям. Это послужило в свою очередь ренессансу социалистических устремлений в широких слоях населения, которые, на мой взгляд, в лучшем случае приведут к социализации российского государственно-номенклатурного капитализма, а в худшем - к реставрации номенклатурного социализма.

Как бы то ни было, процесс социализации современных обществ не обнаруживает признаков прекращения. Есть основания полагать, что он будет развиваться и в последующем как в странах Запада, так и в России, но выбор "социализм или капитализм" не встанет в повестку дня. Это торжество процесса социализации капитализма над революционной сменой капитализма социализмом дает ключ к пониманию тех перипетий, которые происходят в России на новейшем этапе ее истории.

Изложенная выше интерпретация современных перемен в России носит в значительной мере гипотетический характер. Главной моей целью было показать, что признание естественноисторического характера антисоциалистической трансформации России с позиций формационного подхода не является абсурдом и что этот подход, но не в его ортодоксальном варианте, может занять место среди теоретических приемов рассмотрения причинно-следственных связей современных российских перипетий.

Более прагматической, а при соотнесении с современными российскими реалиями более "осязаемой" представляется теория модернизации. Но именно эта теория вызывает наибольшую критику и откровенные нападки со стороны коммунистически и националистически настроенных российских политиков и идеологов. Критики в первую очередь указывают на ее "прозападный характер", заключенную в ней попытку представить в качестве образца общественно-политического устройства современную западную цивилизацию и навязать этот образец другим странам и народам. По моему мнению, отрицать идеологические черты теории модернизации, в первую

очередь самых известных, расхожих ее интерпретаций, не приходится. Но разве обростание идеологической функцией не является уделом любой влиятельной социальной теории? Поэтому, выявив идеологическую функцию, следует отделить ее от рационального начала социальной теории и рассмотреть познавательные возможности последней. У теории модернизации они, безусловно, имеются.

Теория модернизации оформилась после Второй мировой войны в лоне западного, прежде всего американского обществознания. Ее наиболее влиятельные выразители Т. Парсонс, С. Липсет, Р. Бендикс и их последователи исходили из разделения всех обществ на традиционные и современные. Процесс превращения всех обществ, изначально традиционных, в современные (по-английски *"modern"*, отсюда и термин "модернизация" для обозначения процесса) составил, согласно их заключению, основу общественно-исторического прогресса. Главными чертами современного общества были признаны право каждого индивида владеть и распоряжаться собственностью, свободное формирование и легализация разнообразных экономических и социальных интересов и объединений, законодательное закрепление и неотчуждаемость гражданских и политических прав человека, представительное правление и разделение властей, экономический и политический плюрализм, вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, рациональная бюрократия.

В совокупности эти черты современного общества представляют "идеальный тип" западной либеральной демократии. Не случайно образцом классической и одновременно первой в мировой истории модернизации было признано либеральное обустройство западного региона в XVIII-XIX веках. Этот очевидный либеральный характер теории модернизации не помешал ей оказать влияние на обществоведов других идейно-политических ориентаций. Ее влияние, например, испытал крупнейший британский историк-марксист Э. Хобсбоум, выступивший с концепцией "двойной революции" как основы превращения стран Запада в современные общества. "Двойная революция" означала сплав либерально-демократической идейно-политической революции, образцы которой были продемонстрированы в США и Франции конца XVIII века, и промышленной революции второй половины XVIII - первой половины XIX века, пустившей корни сначала в Великобритании, а затем в других странах западного региона.

И хотя Запад был объявлен воплощением классической модернизации, первые выразители этой теории отнюдь не считали западную модернизацию завершенной. Они полагали, что процесс модернизации западного региона продолжается и во второй половине XX века, и включали в него создание "государства всеобщего благосостояния", т.е. развитие систем социальной защиты и поддержки среднего и низшего классов, расширение их экономических и политических прав [4, 5]. Первоначальный вариант теории модернизации испытал влияние другой популярной либеральной теории 50-60-х годов - конвергенции, которая признавала и доказывала необходимость и историческую закономерность соединения в идеальном обществе лучших черт капитализма и социализма.

Основополагающими чертами современного общества признавались, безусловно, механизмы и институты западного либерально-демократического капитализма. Именно они, согласно теории модернизации, создавали базу для превращения любого общества в современное и для исторического прогресса в последующем. Освоение механизмов западных обществ другими, незападными обществами было, таким образом, признано обязательным условием их перехода на рельсы современного прогрессивного развития. Стали выявлять и исследовать исторические и современные примеры освоения незападными обществами механизмов западной цивилизации (эти примеры и процесс в совокупности были названы "догоняющей модернизацией"). Сначала в качестве примера "догоняющей модернизации" рассматривали общественно-историческое развитие современных стран третьего мира. Затем примеры догоняющей модернизации были обнаружены в истории других стран, в том числе Японии и России [6].

Распространение теории модернизации на российскую историю, признание ее сквозной линией и закономерностью заимствований общественных образцов западной цивилизации оказалось неприемлемым и оскорбительным для националистически настроенных российских политиков и идеологов. Но вопрос заключается не в том, унижительно или не унижительно для России заимствовать западные образцы, а в том, имеют ли эти заимствования характер долговременной исторической тенденции и влияют ли они на прогрессивное изменение российского общества. Непредвзятое рассмотрение российской истории дает основание ответить на него утвердительно.

Первым образцом российской модернизации на основе заимствования западных образцов некоторые историки считают петровские реформы. С этим можно согласиться, если сделать оговорку, что петровские реформы были своего рода прото-модернизацией, поскольку западная цивилизация, из которой Петр позаимствовал по преимуществу технологические и организационные образцы, сама была еще в начале модернизационных преобразований. Вторым примером модернизации России служат реформы, а по большей части намерения, Екатерины II. Некоторые авторы даже полагают, что с эпохи Екатерины II в России берет начало либерализм [7], т.е. основополагающая идеологическая и институциональная традиция западной цивилизации. С этим уже трудно согласиться, поскольку екатерининский "либерализм" предназначался для обеспечения прав дворян, а не для создания гражданского общества западного типа.

Бесспорно, ярчайшим образцом российской модернизации явились реформы Александра II, охватившие два десятилетия XIX века. Они включали в себя не только экономические, но также социальные, политические и правовые реформы, которые были уже опробованы и дали прогрессивные результаты в лоне западной цивилизации. Следующий пример российской модернизации - деятельность С. Витте и П. Столыпина в конце XIX - начале XX века, прогрессивный характер которой в сегодняшней России не отрицают, кажется, ни западники, ни почвенники, ни антикоммунисты, ни коммунисты.

Итак, процесс модернизации России выступает как одна из главных сквозных линий российской истории нового времени. Вполне доказуем "догоняющий" характер этой модернизации по отношению к западной цивилизации: действительно, вряд ли возможно представить все эти реформаторские эпохи, саму их возможность при отсутствии у России желания догнать передовые страны Запада, успешно взаимодействовать и конкурировать с ними. И вполне естественно со стороны российских реформаторов обращение к тем принципам, механизмам и институтам, которые и обеспечивали опережающее развитие западной цивилизации.

Гораздо труднее применить теорию модернизации к российской истории советского периода. Тем не менее многие историки оценивают как модернизацию даже преобразования И. Сталина. Но, по меркам теории модернизации, такая оценка весьма сомнительна: сталинская "супериндустриализация" ставила целью догнать и перегнать Запад экономически, развиваясь на антизападной общественно-политической основе (замечу, что авторы теории модернизации решительно возражали против ее отождествления с индустриализацией, понимая под последней только одно из условий модернизации. - В.С.). "Догнать и перегнать" Запад, развиваясь по социалистическому пути, ставили своей целью и "либеральные" советские реформаторы от Н. Хрущева до М. Горбачева. Но если модернизация и не была моделью для советских преобразований, то она оказывалась как бы их *alter ego*: советские лидеры имели в виду соревнование именно с западной, а не с какой-либо иной цивилизацией. Невольно признавая ее самой передовой хотя бы в экономическом отношении, СССР пытался копировать как минимум западные технологические и организационные образцы. В отношении СССР к Западу налицо поразительный парадокс: с одной стороны, коммунистическая идеология пророчила неизбежный крах западного капитализма, с другой - "великой советской мечтой" стал лозунг "Догнать и перегнать Америку!".

Острая амбивалентность отношения СССР к западной цивилизации заключала в себе историческую альтернативу: или Советский Союз полностью изолируется от Запада, исходя из самодостаточности социалистической "цивилизации", или будет взаимодействовать и конкурировать с ним, заимствуя те или иные его образцы. Кульминация и развязка такого отношения пришлась на 1980-е годы, когда в ходе горбачевских реформ выяснилось, что возможности реформироваться и обеспечить поступательное развитие на социалистической основе для СССР исчерпаны, и в результате Советский Союз должен был позаимствовать для своих реформ либерально-демократические механизмы. Тогда модернизация СССР, а потом России стала все более и более развиваться по ее классическому, т.е. либеральному образцу.

В исторической ретроспективе современная российская модернизация может быть рассмотрена как результат естественной конкуренции различных общественных систем XX века. Перипетии этой конкуренции, которая предстает как закономерность в XX веке, когда всемирность истории достигает в сравнении с предшествующими эпохами не только высшей точки, но и нового качества, заслуживает всестороннего анализа. В советской коммунистической идеологии она трактовалась как бескомпромиссная борьба между системами социализма и капитализма, при этом с самого начала схватки безусловная победа присуждалась социализму. Сегодня комментарии по поводу этой концепции, как говорится, излишни.

Другая трактовка соперничества социализма и капитализма принадлежит американскому политологу Ф. Фукуяма, который накануне краха реального социализма заявил, что либерализм одержал окончательную победу над социализмом [8]. Этот вывод был с готовностью подхвачен многими политиками и политологами, в том числе в России. Но у Фукуямы были критики, к которым относится автор данной статьи. Ограничусь одним замечанием. Вопреки концепции Фукуямы, жизнеспособность в конце XX века доказал не "чистый капитализм" и не "чистый либерализм", а капитализм социализированный, т.е. глубоко и многосторонне преобразовавшийся на основе заимствования тех же социалистических принципов. С таким капитализмом социализм советского образца конкурировать не смог, результатом чего стало его поражение и признание российским обществом необходимости собственной модернизации путем освоения либерально-демократических образцов западной цивилизации.

В свете теории модернизации современная радикальная трансформация российского общества может быть разделена на три этапа. На первом (1985-1986 годы) Горбачев и его окружение использовали по преимуществу командно-административные меры реформирования советского общества, схожие с теми, к которым прибегали Н. Хрущев и Ю. Андропов. Мероприятия этого периода - закон о госприемке, реорганизация министерств, школьная реформа, антиалкогольная кампания, ускоренное развитие машиностроения и др. - не только не дали ожидаемых результатов, но даже усугубили экономические и социальные проблемы СССР. Первый этап, по сути, продемонстрировал исчерпанность возможностей модернизации общества на основе командно-административной модели.

На втором этапе (1987-1991 годы) Горбачев и его сподвижники попытались заменить командно-административный социализм своего рода советской моделью демократического социализма, которая была призвана раскрыть экономические и социальные потенции общества. Среди многообразных политических реформ второго этапа выделялось введение альтернативных выборов депутатов Советов всех уровней. Среди экономических реформ на первом месте было введение хозрасчетного, или товарно-рыночного, социализма.

Новая стратегия дала результаты, совершенно неожиданные для создателей. Экономические реформы не удались, зато политическая демократизация не только укоренилась, но и приобрела собственную, неподвластную Горбачеву инерцию. Именно на ее волне модернизация стала вбирать в себя либерально-демократические образцы: в течение двух-трех лет оформились политический плюрализм, много-

партийность, начало зарождаться гражданское общество. Ее размах и напора не выдержали ни командно-административная система, ни социалистический строй, ни СССР. Последней жертвой мирной политической революции, выросшей из политических реформ Горбачева, стал сам архитектор перестройки.

С крахом СССР и коммунистического режима в России начался третий этап модернизации, осуществлявшейся Б. Ельциным и радикалами уже по "чистым" либеральным образцам. Радикально-либеральная модернизация сопровождалась противоречивыми и драматическими последствиями. С одной стороны, в России было введено свободное ценообразование, либерализована торговля, осуществлена массовая приватизация. Создание рыночных отношений струнулось с мертвой точки. Возник широкий слой бизнесменов, стали формироваться предпринимательский класс и предпринимательское сознание. С другой стороны, за "шоковый" вариант модернизации была заплачена очень высокая экономическая и социальная цена, в результате чего Россия погрузилась в перманентный социально-экономический кризис. Вместо обещанного радикалами "народного капитализма" восторжествовал номенклатурный капитализм, общество раскололось, реальностью стал процесс деиндустриализации со всеми вытекающими кризисными следствиями.

Модернизация и вестернизация были приняты российским обществом добровольно в результате признания исчерпанности возможностей поступательного развития на социалистической основе. Другое дело, смогло ли российское общество выработать вариант модернизации, который бы снизил до минимума ее экономическую и социальную цену (опыт ряда других стран свидетельствует, что такая возможность реальна). Реформаторская российская элита, которая смогла завоевать доверие народа и прийти к власти, оказалась неспособной к выработке и восприятию такого варианта ни в интеллектуальном, ни в морально-нравственном плане. Ее утопизм и популизм, выразившиеся в обещании создать капиталистический рай в течение полутора лет, ее корысть и эгоизм, проявившиеся в циничном присвоении привилегий и собственности, отнятых у коммунистической элиты, и в использовании власти для "первоначального накопления" собственных капиталов, стали одной из важнейших причин высокой социальной цены радикально-либеральной модернизации.

В осмыслении современного российского исторического опыта все более весомым становится цивилизационный подход. В мировой исторической науке цивилизационный подход зародился давно, гораздо раньше формационного подхода. Достаточно широкое распространение он получил в России XIX века, но после 1917 года в СССР был предан забвению. За рубежом, прежде всего в странах Запада, он оставался одним из самых влиятельных. Среди его выдающихся представителей - О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель.

Широкое использование цивилизационного подхода неизменно сочеталось и сочетается с неоднозначным пониманием "цивилизации", что, естественно, приводит его выразителей к различным выводам. Под цивилизацией понимали и определенный уровень развития культуры, отличающий "цивилизированные" общества от "нецивилизированных", и общественно-географические конгломерации, существование которых было ограничено определенным историческим периодом, и отдельные страны, демонстрировавшие в своем развитии долговременные экономико-политические и социокультурные характеристики. Цивилизационный подход и теория цивилизаций всегда использовалась в идеологических целях, выражавшихся в первую очередь в намерении подчеркнуть превосходство или исключительность той или иной цивилизации. Не случайно, что курсы по истории западной цивилизации и цивилизации собственных стран являются основополагающими мировоззренческими курсами в университетах стран Запада. Поэтому при определении познавательных возможностей цивилизационного подхода и его научном использовании очень важно отделять идеологическую функцию от рационального начала.

Понятие "цивилизация" стало популярным в СССР после 1985 года, с самого начала оно приобрело идеологический характер. Горбачев и его окружение выступили с

идеи универсальных общечеловеческих идеалов, ценностей мировой цивилизации, к которым в результате реформ должна быть приобщена и Россия. По мере развития перестройки набор этих ценностей - гражданское общество, правовое государство, свободный рынок, политический плюрализм, многопартийность - обнаруживал во все большей мере прозападный и пролиберальный характер. В идеологии российского демократического движения общецивилизационные ценности вообще стали тождественны ценностям западной цивилизации. Подобный цивилизационный подход оказал воздействие и на российских обществоведов, и многие из них в своих исследованиях стали опираться на концепцию "универсальных" общецивилизационных ценностей.

Серьезный удар по подобному цивилизационному подходу нанесли реформы Ельцина и его последователей, вскрывшие утопизм попыток переделать Россию на западный манер. Они резко усилили и скепсис относительно существования некой мировой цивилизации и универсальных человеческих ценностей. В общественной мысли и обществоведении стала разрабатываться отличная идея о плюрализме цивилизаций, среди которых свое место занимает и Россия.

В 1990-е годы наблюдается быстрый рост числа исследований по российской истории, исповедующих второй вариант цивилизационного подхода, который сегодня, безусловно, доминирует над первым вариантом. Но и в его рамках обнаружилось достаточно серьезные разногласия. Одно из направлений, которое как бы продолжает евразийскую концепцию, отстаивает тезис об уникальности и самодостаточности российской цивилизации. Среди неотъемлемых положительных характеристик российской цивилизации выделяют православие, общинность, государственность и державность, соборность, являющиеся барьером на пути "растлевающих" западных ветров. Другое направление исходит из многофакторности российской цивилизации, соединения в ней разных, пусть и противоположных, цивилизационных начал (условно говоря, "восточного" и "западного").

Новый цивилизационный подход приобрел большое влияние: на его основе читаются вузовские и школьные курсы по отечественной истории, написано большое количество статей, монографий, учебников. На мой взгляд, этот подход обладает познавательной ценностью, хотя в нем заключена и опасность идеологического мифа об уникальности и превосходстве (например, "святая Русь") российской цивилизации. Очень важно избежать этой опасности при исследовании "вертикали", или "оси", российской цивилизации, как и факторов, ее сформировавших: природно-географическая среда, экономико-социальные уклады, государственность, вероисповедание, ментальность, взаимодействие с другими мирами и культурами.

Среди концепций российской цивилизации наиболее реалистична концепция ее "раскола", отсутствия "нормативной срединности" [9], обуславливающих противоборство "восточного" и "западного" начал. Концепция эта не нова, ее, в частности, придерживался и В. Ключевский, рассматривавший исторический путь России как поле столкновения "почвы" и "цивилизации". Сегодня ее исповедует большинство обществоведов, придерживающихся цивилизационного подхода.

"Расколотость" российской цивилизации, наличие в ней двух противоречивых начал прослеживается на протяжении большей части ее истории с Киевской Русью. Присутствие в ней "западного" начала свидетельствует в пользу применения к российской истории теории модернизации: последняя удовлетворяла объективную потребность развития и пестования этого начала. Признание же ее "восточного", почвеннического начала позволяет выявить те факторы, которые объективно препятствуют модернизации и которые не могут не учитывать прозорливые политики, берущиеся за проведение либеральных реформ.

Среди "почвенных" факторов особое значение имеют экономико-политические и социокультурные. Одно из главных и определяющих в российской истории - центральное место самодержавия, безусловное верховенство и господство государственной власти в общественно-политическом развитии, подчиненно-подданническое отношение к ней как индивидов, так и классов. В таких условиях гражданское

общество и права индивидов, являющиеся оплотом либеральной цивилизации, не имели шансов на самоукоренение и развитие. Государство занимало центральное место как в формировании социальных отношений и структур, так и в определении отношений собственности и экономическом развитии.

Новосибирский историк и экономист О. Бессонова в оригинальном исследовании экономической "парадигмы" российской истории пришла к таким выводам: «Сущность экономических отношений России выражается в механизмах "сдач-раздач" в отличие от механизмов "купли-продажи", и потому экономику России можно охарактеризовать как раздаточную...» [10, с. 37]. «На всем протяжении русской истории имущество отдельных граждан образовывалось в результате "пожалования", "дарствования", "государственного данья"...» [10, с. 38]. По заключению Бессоновой, принципы раздаточной экономики были в существенной мере воспроизведены в советский период. Признавая объективную потребность современной российской модернизации и либерализации экономики, она вместе с тем полагает, что реальной и оптимальной целью является создание "либеральной формы раздаточной экономической системы" [10, с. 48].

Среди социальных характеристик российской цивилизации одно из центральных мест занимает корпоративность. Одна из современных выразительниц цивилизационного подхода Л. Семенникова так определяет ее содержание и значение: "Каждый человек был связан с определенной корпоративной ячейкой, в рамках которой складывались свои коллективистские взаимоотношения, коллективистские нормы нравственности, социокультурные предпочтения и общественные идеалы. Большинство русского населения было связано с крестьянской территориальной общиной - миром, в рамках которого утверждались принципы уравнительности, коллективизма, политическая культура, основанная на нормах прямой общинной демократии (крестьянство составляло большинство русского населения вплоть до индустриализации в советское время)" [11, с. 110]. "...При такой общественной системе прогресс столь замедлен, а жизнь так трудна, что корпоративность, коллективизм не только не являются предметом критики, но и становятся для человека важнейшим фактором социальной защиты и выживания" [11, с. 111]. Социальная корпоративность являлась в свою очередь одной из основ такой социокультурной характеристики, как соборность мышления россиян, которая имела одним из значений невыделенность личности, болезненное переживание индивидом своей физической отдельности, противопоставленности общности.

Эти и другие "почвенные" черты российской цивилизации неизменно оказывались мощным препятствием на пути модернизационных усилий реформаторов. Это стало одной из главных причин того, что ни одна из российских модернизаций не была доведена до конца, а российская история, пусть и в обновленном виде, возвращалась на почвенные "круги своя". Некоторые обществоведы полагают, что антагонизм между "почвой" и модернизацией вообще не устраним, и это предопределяет развитие российской истории по трагическим циклам.

Цивилизационные характеристики России проливают свет на перипетии современной российской истории. Попытки модернизаторов сломать или проигнорировать их, действовать по "универсальным" рыночным законам в значительной мере определяют неудачи реформ, как и их драматические, а зачастую трагические экономические и социальные следствия. Справедливость требует признать, что в определенный момент развития современной российской модернизации, а именно на рубеже 80-90-х годов, политическое поведение масс создало представление о том, что цивилизационные барьеры удастся "перепрыгнуть" и свершить модернизацию быстро и по классическому образцу. Действительно, в тот период большинство россиян, разочаровавшись в социалистических моделях общественной перестройки, отдало свои симпатии радикал-либералам. В массах возобладало желание и вера в возможность прозападных реформ. Эти настроения инициировались и пестовались средствами массовой информации и демократической интеллигенцией. "Нацио-

нальные особенности" России вместе с социалистической доктриной были приравнены к идеологическому мифу. Один из лидеров радикалов Н. Травкин заявил: "А как только отбрасывается все идеологическое лицемерие, выясняется, что не так много у нас расхождений между общественно-политическими системами Запада и тем, что собираемся строить мы" [12].

Практическое воплощение радикально-либеральной модели быстро обнаружило, что "идеологическое лицемерие" в действительности представляло собой экономические, политические, социокультурные реалии, которые при столкновении с кавалерийской атакой реформаторов способны привести к национальной трагедии. Перед лицом этой трагедии реформаторы стали тасовать свои ряды, демонстрируя очевидную неспособность выработать и предложить нации общественно-политический курс, который смог бы соединить модернизацию с цивилизационной органикой России.

Подведу итоговую оценку познавательных возможностей трех теоретических подходов к анализу современной истории России. По моему заключению, ни один из подходов не может служить универсальным ключом к раскрытию причинно-следственных связей современной российской истории (и в этом я расхожусь с апологетами того или иного подхода), но каждый из них обладает определенными познавательными возможностями изучения темы. Если формационный и еще в большей мере модернизационный подходы позволяют в первую очередь уяснить причины радикальной российской трансформации, то цивилизационный подход помогает глубже понять ее драматические перипетии и следствия. Эти три подхода не исчерпывают теоретического инструментария всестороннего постижения современной истории России. Надежной основой дальнейшего развития инструментария может служить, на мой взгляд, междисциплинарность, заключающаяся в соединении теоретических и методологических приемов разных социальных и гуманитарных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Harrington M.* Socialism. New York, 1970.
2. *Медведев В.* Великий Октябрь и современный мир // Коммунист. 1988. № 2. С. 6.
3. *Согрин В.* Новый взгляд на историю западного капитализма // Вестник РАН. 1993. № 8.
4. *Parsons T.* The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, 1971.
5. *Bendix R.* Nation-Building and Citizenship. Studies of Our Changing Social Order. Berkeley, 1977. P. 6, 7.
6. *Black C.E. et al.* The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study. New York, 1975.
7. *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995.
8. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // США - ЭПИ. 1990. № 5.
9. *Ерасов Б.* Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 59.
10. *Бессонова О.* Раздаточная экономика как российская трагедия // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
11. *Семенникова Л.* Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. 1996. № 5.
12. Литературная газета. 1990. № 26.

© В. Согрин, 1998